Е.В. ДЕРЖИВИЦКИЙ

*Кандидат философских наук, доцент
Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

М.В. ГРАЧЕВА

*Аспирант 1 курса
Институт философии
Санкт-Петербургский государственный университет*

ЮМОР В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Настоящая статья посвящена постановке проблемы юмора в пространстве политического, которое, являясь одним из проявлений социальной коммуникации, имеет ряд своих особенностей. В ней также рассматривается специфика понимания юмора и комического и объясняется целесообразность игнорирования второго в научном исследовании. При этом акцент делается на том, что большей научной перспективой при изучении юмора в пространстве политического, в силу объективных причин, обладает использование юмора самими политиками в процессе своей деятельности как имеющее более серьезное последствие и для их имиджа, и для всего общества.

Ключевые слова: юмор, комическое, политика, имидж политиков, смешные политики, юмор и ответственность.

Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ №16-03-00388a

E.V. DERZHIVITSKY

*PhD of Philosophy, Associate Professor
Institute of Philosophy
Saint-Petersburg State University*

M.V. GRACHEVA

*Postgraduate student of the first course
Saint-Petersburg State University*

HUMOR IN THE POLITICAL SPACE: TO THE PROBLEM

This article is devoted to posing the problem of humor in the political space, which, being one of the manifestations of social communication, has a number of its features. It also examines the specifics of understanding humor and comic, and explains the appropriateness of ignoring the latter in scientific research. At the same time, emphasis is placed on the fact that a greater scientific perspective in the study of humor in the space of political, for objective reasons, has the use of humor by politicians themselves in the course of their activities as having a more serious consequence both for their image and for the whole community.

Keywords: humor, comic, politics, political image, funny politicians, humor and responsibility.

This work was supported by Grant RFH №16-03-00388a

Теме юмора посвящено немало совершенно серьезных исследований. К его природе и проявлениям обращаются культурологи, психологи, антропологи, этнографы, филологи и социологи, изучая его с разнообразных точек зрения. Помимо очевидных результатов его проявления в виде смеха, вызванным остроумной шуткой, в межличностной или социальной коммуникации он выступает как средство снятия напряжения, то есть, по сути, играет важную роль в уменьшении накала в конфликтной ситуации, а то и вовсе в ее разрешении. И если исходить из точки зрения З. Фрейда о том, что сквернословие стало подлинным творцом человеческой цивилизации, потому что заменило собой физическое насилие, то в отношении юмора можно сказать, что он стал подлинным творцом человеческой культуры, развитие которой посредством лишь науки и техники означало бы отказ от чего-то слишком человеческого. При этом, несмотря на то, что самой ожидаемой реакцией как на юмор, так и на комическое является смех, они, юмор и комическое, не сводимы друг к другу.

Анри Бергсон писал: «Не существует комического вне собственно человеческого» [1]. Однако довольно часто можно столкнуться с мнением, что юмор – это просто более широкое и общее понятие, чем смех, который, в свою очередь, является всего лишь составляющей юмора. Такое понимание, как представляется, корректнее, чем переплетение двух понятий, но нам видится правильным более строгое их разделение, что является принципиально важным при рассмотрении проблемы с точки зрения этики. Необходимо оговориться, что смех – это внешняя, субъективная реакция человека на комическое, и в этом смысле он не может быть предметом этического анализа. Безусловно, мы можем осудить человека за то, что он засмеется, увидев нечто трагическое, вероятно, многие люди будут осуждать сами себя за подобную реакцию, но сам смех не будет объектом нашего осуждения. В данной ситуации смех по-прежнему останется лишь реакцией на ситуацию, осуждение же мы будем

выносить моральным ценностям человека, позволившего себе подобную бестактность. Осознание же того, почему человек, посмеявшийся над чем-то, достоин порицания, и как мы отметили, что данная ситуация не может быть смешной, произрастает из общественной морали. В этот момент смех и юмор полностью разделяются как феномены: если смех – это почти рефлекторное, то юмор – это сугубо общественное.

Юмор – заданное общественной моралью явление, которое, какой бы свободой мы ее не наделяли, всегда четко ограничено культурными, историческими и социальными факторами. Юмор, в отличие от смеха или абстрактно-комического может являться объектом этической экспертизы. Присутствуя во всех сферах жизни общества, юмор обладает своей спецификой, что вызвано принадлежностью к той или иной гендерной, этнической или профессиональной группе, и то, что может быть понято и оценено ее представителями, может показаться странным или нелепым для «непосвященных». Однако есть сфера социальных отношений, в которой такой специфики либо нет вовсе, либо убеждение в ней, скорее, должно говорить об отсутствии чувства юмора у самого оценивающего, а именно – политика. Политика как способ регулирования социальных взаимодействий, безусловно, имеет свои особенности по сравнению с иными сферами жизни общества. В отличие от экономической или духовной сфер, политическая имеет ряд специфических ролей и атрибутов, например, таких, как право на авторитарное распределение ценностей в обществе и на легитимное насилие. Но при этом политика, пусть и от лица анонимного сообщества, государства, осуществляется людьми, достоинства и компетентность которых являются предметом оценки, одобрения или неодобрения со стороны управляемых. Подразумевая под политикой именно регулирование всех видов социальной коммуникации, отметим, что здесь, говоря о юморе в пространстве политического, уместней говорить о такой его разновидности, которая предполагает взаимную зависимость управляющих и управляемых, то есть ситуацию, при которой политик, претендующий на высшие властные позиции, избирается, а его личные и деловые качества являются частью его имиджа.

Юмор в пространстве политического имеет две ипостаси: первая – это когда он используется как выражение отношения управляемых к политической системе вообще или ее персонифицированным представителям, и вторая – когда его используют сами политики в конкурентной борьбе за голоса избирателей, во время дебатов с представителями оппозиции или для интерпретации каких-либо событий. На наш взгляд, первое проявление юмора, в силу присутствия нюансов национального, исторического, культурного и т.д. характера, представляя безусловный интерес для исследователей, имеет меньшее значение для понимания его в

пространстве политического, чем второе, поскольку не позволяет определить какие-то типичные и универсальные, понятные везде и всегда, ситуации и формы его использования.

В первом случае приходится учитывать слишком большое количество особенностей, которые, по сути, будут своего рода продолжением политической культуры, которая, в свою очередь, всегда уникальна. И если юмор в адрес правящей элиты на страницах желтой прессы почти везде одинаков, это, скорее, является следствием присутствия на уровне массового сознания архаичных архетипов, позволяющих лишить элементов сакрального если не саму политическую власть, то хотя бы ее обладателей, низвести ее до уровня бытовых отношений и дозволенностей. Но ведь массовая культура тем и отличается, что она сознательно не предполагает ориентацию на национальную или иную уникальность. Это же касается и такого важного аспекта как ощущение уместности и рамок использования юмора политиками, которые тоже в разных политических культурах отличаются.

Во втором же случае юмор, включая самоиронию, ставит перед собой совершенно иные задачи. Можно сказать, что, прибегая к ним, политик тем самым подчеркивает свою личную связь с управляемыми, демонстрирует свою доступность и человечность – ведь история знает множество примеров, когда неперменной чертой всех тираний был запрет на даже самое безобидное высмеивание властителей. Вместе с тем, терпимое отношение к юмору в свой адрес выполняет своего рода функцию катарсиса – направив энергию и фантазию шутников по этому пути, можно избежать или отложить необходимость отвечать на серьезную критику. Это, наконец, на уровне индивидуального сознания способно примирить управляемого с символами и атрибутами власти, обладателями которых, столь желанными и притягательными, является другой. Именно эту роль (не считая следования сакрально освященной традиции) выполняли песенки скабрёзного содержания, которые римские легионеры распевали во время празднования триумфа своего полководца, или средневековых менестрелей, хотя высмеивание последних властями не приветствовалась. Однако здесь таится и своя опасность: политик, допускающий юмор в свой адрес, укрепляет свой имидж именно как политик, даже если смысла шуток он не понимает как человек. Хрестоматийным примером здесь служила премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, дефицит юмора у которой компенсировали ее помощники, выделявшие, перед официальным выступлением с заготовленными речами, в тексте, предоставляемым другой стороной, места, содержащие шутки, и на которые она должна была отреагировать смехом.

Но ничто не поможет сохранить имидж политика, если он становится попросту смешон как политик или как человек. Неумение принять или произнести шутку в необходимый момент может поставить крест на политической карьере, и все, даже самые выдающиеся достоинства иного рода, будут позабыты. Однако подвергнутый осмеянию политик может сохранить свою репутацию и начать карьеру заново. Никто не ожидал, что после Галлипольской катастрофы 1915 г. У. Черчилль, ушедший из политики и ставший адресатом самых едких острот, не только станет лидером нации в годы Второй мировой войны, но и войдет в историю Англии как самый выдающийся премьер-министр. Несомненно, что помимо личных качеств, не последнюю роль в таком возрождении сыграло и его отменное чувство юмора, которое он сохранил даже во время своей политической смерти. Напротив, смешные политики, да еще и в сочетании с их физической и интеллектуальной немощностью, не способны сохранить ни уважения, ни даже сочувствия к себе, что в итоге способно отвратить общественное мнение даже от самой формы политического устройства, с которой они ассоциируются – вспомним здесь поздний застой в СССР или последние годы правления А. Салазара в Португалии, помощники которого, после утраты им в результате инсульта связи с реальностью, продолжали делать вид, что он по-прежнему управляет страной. И в том и в другом случае итогом правления смешных политиков стала вполне серьезная смена политического режима.

Другим аспектом юмора в пространстве политического является необходимость определения его рамок – ведь то, что дозволено частному человеку в обыденной коммуникации может иметь самые серьезные последствия для всего общества, если шутит политик. Так, великолепный мастер слова, римский политик Марк Туллий Цицерон, после смерти Юлия Цезаря, в попытках восстановить республику, сделал ставку на его племянника, восемнадцатилетнего Октавиана Августа, дабы через него внести раскол среди цезарианцев. Добившись предоставления ему, вопреки всем правилам, пропреторских полномочий, Цицерон в частной беседе воздал следующую похвалу Октавиану: «Юноша достоин того, чтобы его хвалить, украшать и превозносить». Но эта похвала была двусмысленной: глагол «*tollere*», помимо значения «превозносить», означал еще и препровождение в мир иной; по римскому обычаю покойника сначала поднимали (превозносили), затем убирали (украшали), а потом произносили над ним хвалебную речь. В результате, подозрительный Октавиан не только уверился в том, что Цицерон и сенат всего лишь используют его в своих целях, но и что по достижении их они избавятся от него так же, как и от его приемного отца, диктатора Цезаря. Это погубило и самого Цицерона и дело, которому он служил. В 1984 г. Президент США

Р. Рейган, желая перед радиообращением проверить голос, произнес следующую фразу: «Мои дорогие соотечественники, я рад сообщить вам, что поставил Советский Союз вне закона. Бомбардировка начнется через пять минут». О том, что микрофон был уже включен, а его фраза ушла в эфир, Рейган смог догадаться по выражению лиц своих помощников, которое, как нетрудно предположить, полностью копировало выражение лиц радиослушателей. Подобные ситуации лишней раз подчеркивают необходимость конвертации в пространстве политического этики убеждений в этику ответственности, ибо необдуманный юмор политиков имеет одно свойство – он никогда не безвреден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992.
2. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей. Вестник РУДН, серия Лингвистика, том 20, № 1. 2016.
4. Дземидок Б. О Комическом. М., 1974.
5. Дмитриев А.В. Социология политического юмора. Очерки. М., 1998.
6. Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.
7. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех. Социофилософский анализ. М., 2005.
8. Зелезинская Л. А. Юмор как способ взаимодействия субъектов политической системы. Социум и власть № 6 (38) 2012.
9. Мельников С.С. Исторические предпосылки институционализации политического юмора. Вестник МГИМО-Университета № 6 (39) 2014.

TRANSLIT

1. Bergson A. Smekh. M.: Iskusstvo, 1992.
2. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.
3. Gornostaeva A.A. Mesto ironii v rechevyyh portretah sovremennyh politicheskikh deyatelej. Vestnik RUDN, seriya Lingvistika, tom 20, № 1. 2016.
4. Dzemidok B. O komicheskom. M., 1974.
5. Dmitriev A.V. Sociologiya politicheskogo yumora. Ocherki M., 1998.
6. Dmitriev A.V., Latynov V.V., Khlopyev A.T. Neformalnaya politicheskaya kommunikaciya. M., 1997.
7. Dmitriev A.V., Sychev A.A. Smekh. Sociofilosofskij analiz. M., 2005.
8. Zelezinskaya L.A. Yumor kak sposob vzaimodejstviya subektov politicheskoy sistemy. Socium i vlast № 6 (38) 2012.
9. Melnikov S.S. Istoricheskie predposylki institucionalizacii politicheskogo yumora. Vestnik MGIMO-Universiteta № 6 (39) 2014.